Татьяна Леонова

ИСТОРИЯ заурядного семейства

Книга первая

IM PRESS

Татьяна Леонова

ИСТОРИЯ заурядного семейства

Книга первая

Бостон • 2026 • Чикаго

Татьяна Леонова История заурядного семейства.
Книга первая

Tatyana Leonova The Story of an Ordinary Family.
Book One

Copyright © 2026 by Tatyana Leonova

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-46-8

Published by M•Graphics | Boston, MA
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com

Produced by Bagriy & Company | Chicago, IL
www.bagriycompany.com
printbookru@gmail.com

Edited by Julia Grushko
Book Design by Yulia Tymoshenko
Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

Содержание

Глава 1. «К чему романы, если сама жизнь — роман?» 11
Глава 2. Инвалид двух групп 13
Глава 3. «…Переврётся — не простится…» 15
Глава 4. Город 17
Глава 5. Погорельцы 19
Глава 6. Бабушка Вера и дед Абрам Эфрос. Муся и Дора. 23
Глава 7. «Конечно, вы не раз видали уездной барышни альбом…». 28
Глава 8. Дора 34
Глава 9. Маме лошн, или «…Блуждает выговор еврейский…» 36
Глава 10. «Что в имени тебе моём?» 41
Глава 11. «22-го июня, ровно в 4 часа…», или Война 43
Глава 12. Великие потрясения 53
Глава 13. Смешное слово «Опочка», или Тени забытых предков . . 55
Глава 14. Да здравствуют редкие фамилии!
или Здравствуйте, я ваша племянница! 57
Глава 15. «Путешествие в Опочку…». 59
Глава 16. Почти Дюма: 40 лет спустя,
или Если вы не спросили человека о чём-то важном
в 1975 году, не печальтесь —
в 2013 году вы получите второй шанс! 65
Глава 17. Эвакуация из Опочки 67
Глава 18. Эвакуация из Западной Двины. 72
Глава 19 . Судьба клана Гессель, жившего в Опочке. 73
Глава 20. «Младший пеший милиционер»,
который «принимал участие за коммунизм»,
или Что и требовалось доказать… 77

Глава 21. Два Мордуха? Один Мордух? 79
Глава 22. Первое заклинание из запомнившихся в детстве фраз:
Таня Волкович и «У неё в семье все музыканты».
Рассказ Изабеллы В. 82
Глава 23. «Аидишэ штэтл» 84
Глава 24. Брат моего прадеда Самуила
Хацкель Тевелев из Ильино 86
Глава 25. Семья Столовых. 89
Глава 26. Опять Абрам. Опять Эфрос.
Опять Западная Двина. Опять не тот!
А вдруг всё-таки случайно, чудом — тот??? 92
Глава 27. «Отыскался след Тарасов!»
или Вот тебе, бабушка, и бином Ньютона! 94
Глава 28. Продолжение рассказа Минны Хадживатовой-Эфрос . . . 96
Глава 29. Не было ни гроша, да вдруг алтын 100
Глава 30. Заклинание второе из запомнившихся в детстве фраз:
«Съездить к Гальке в Мельничный Ручей» 105
Глава 31. Заклинание третье из запомнившихся в детстве
случайных фраз: «Не дали даже кусочка сахара»,
или Таинственный писатель Тевелев 108
Глава 32. Пиковая дама, или Со свиным рылом,
да в калашный ряд 117
Глава 33. Опять Тевелевы? Опять не те? 119
Глава 34. Тётя Шура и дядя Ваня,
или «У нас родственников — пол-Ленинграда!» 122
Глава 35. Как мать и дочь дважды эвакуировались из Ленинграда,
и как бабушка решила не эвакуироваться 124
Глава 36. Как детский дом эвакуировали из Ленинграда
и как детдомовцы вернулись в Ленинград. 130
Глава 37. Эвакуация из Ленинграда летом, до начала
блокады, и возвращение в блокадный Ленинград в 1942 году. 132
Глава 38. Жизнь и служба в блокадном Ленинграде,
эвакуация и жизнь в Казани 136
Глава 39. Эвакуация из Великих Лук. 139
Глава 40. Избранные места из переписки
с неизвестными людьми 141
Глава 41. Эвакуация из Велижа. Точнее, бегство из Велижа 143

Глава 42. Эвакуация из Москвы в Миасс, жизнь в Миассе, возвращение в Москву. 146
Глава 43. Подведём итоги 149
Глава 44. Кто не был — тот будет. Кто был — не забудет 151
Глава 45. Авербахи. Фридлендеры. Кавельмахеры 170
Глава 46. Под недрёманым оком, или «Оперу пишу» 194
Глава 47. Выбор профессии — 1 205
Глава 48. «Не хочу учиться, а хочу жениться!» или Евреи, каких «не бывает». 207
Глава 49. Отец 211
Глава 50. Невидимый гость за столом 217
Глава 51. «Аид?» 224
Глава 52. «Пустите Дуньку в Европу!». 229
Глава 53. Процесс моего личного исхода из Египта. 233
Глава 54. «Жил старик со своею старухой ровно 30 лет и 3 года», или Шекспировские страсти в стиле мексиканского сериала и в советском антураже — 1 237
Глава 55. Лишённые наследства (по Вальтеру Скотту), или Майорат (по Эрнсту Теодору Амадею Гофману) 243
Глава 56. Прощание 250
Глава 57. Кукушонок, или Ламентации «давленого» младенца . . . 253
Глава 58. Скандалистка 262
Глава 59. Не ходи, Иван Иваныч, по врачам.... 271
Глава 60. «От Москвы до самых до окраин...». 281
Глава 61. Возмутительница спокойствия, или Тамбовский волк тебе коллега 305
Глава 62. «Люди гибнут за металл», или «Бешеные деньги» 318
Глава 63. «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути...». 326
Глава 64. Дела давно минувших дней? Ой-вей! 332

Там в стихах пейзажей мало,
Только бестолочь вокзала
И театра кутерьма,
Только люди как попало,
Рынок, очередь, тюрьма.
Жизнь, должно быть, наболтала,
Наплела судьба сама.

А. Тарковский, «Поэт»

Чужая история снова стоит у двери.
Чужая история просит меня: «Отвори!»
Но я отвечаю: «Ты выбрала адрес не тот,
Своя мне история спать по ночам не даёт».
Чужая история тихо вздыхает: «А я?
Я разве чужая? Я тоже, я тоже своя!
Всё связано в мире — и люди, и страны, поверь!
Всё в мире едино…»
И я открываю ей дверь.

Ф. Кривин, «Фома Мюнцер»

Автор предупреждает: всё, написанное в этой книге, есть плод фантазии. Любые совпадения с именами, с семейными трагедиями и фарсами, с фамильными тайнами, раскрывшимися через 45, 75 и даже 100 лет, с медицинскими историями, конфликтами на работе, махинациями и судами — итак, любые совпадения являются случайными и не имеют ни малейшего отношения к конкретным людям.

Глава 1
«К чему романы, если сама жизнь — роман?»*

Я прочла эту фразу Шолом-Алейхема лет в одиннадцать. Я умирала от скуки во время летних каникул в посёлке под Ленинградом. Школьную библиотеку закрыли, и мне оставалось лишь читать подряд все отцовские книги, которые стояли на этажерке в углу. Бóльшая часть этих книг показалась мне неинтересной, а вот роман Шолом-Алейхема «С ярмарки» мне очень понравился.

Вскоре я стала ходить в поселковую библиотеку, а в школьной библиотеке в стене обнаружилась дверь «в зазеркалье», то есть в довольно большое помещение, заполненное высокими стеллажами со «взрослыми» книгами. Так начался мой страстный роман с беллетристикой, угасший лишь в последние годы. Я всегда помнила фразу Шолом-Алейхема, не отрицая её, но и не соглашаясь. Но тут судьба подбросила мне сюжет, и, увлечённая этим сюжетом, я думаю о том, как справедливы оказались слова старого беллетриста Шолом-Алейхема…

Шерлок Холмс меняет инструмент: вместо увеличительного стекла — интернет

Эта книга никогда не была бы написана, если бы не изобрели интернет и если бы не возникли русские социальные сети. Не будь на свете интернета, я никогда бы не смогла найти информацию о сотнях людей, живых и мёртвых. Я не смогла бы вступить в контакт с десятками человек и найти среди них родственников, связи с которыми моя родословная ветка утратила одно поколение назад или даже два поколения назад.

---

* Шолом-Алейхем, «С ярмарки».

Я бесконечно благодарна тем людям, которые не пожалели сил и времени на то, чтобы рассказать мне об истории своих родных и моей семьи.

Написав львиную долю текста, я сообразила: следует заняться наконец семейными фотографиями. Со слезами на глазах разобрав альбомы, я обнаружила, что могу проиллюстрировать текст снимками членов семьи, сделанными преимущественно моим отцом.

Глава 2
Инвалид двух групп

В 1979 году я закончила Ленинградский институт культуры. Хотя на курсе я занимала третье место по успеваемости, не могло быть и речи ни о какой аспирантуре для меня, беспартийной еврейки. На процедуре государственного «распределения» выпускников меня отправили работать в библиотеку, казавшуюся мне наименее привлекательной. Такого удара от судьбы я не ожидала. В те годы среди интеллигенции была популярна шутка о человеке, которого не приняли на работу, так как он оказался инвалидом 5-й группы. Объяснение для читателей, не заставших сих дивных времён: 5-м пунктом в паспорте после фамилии, имени, отчества и даты рождения писалась национальность. Слово «еврей» в «5-м пункте» означало неизгладимую вину перед советской властью.

Следующий удар я получила в первый же месяц работы в библиотеке. Оказалось, что работать-то я и не могу! За годы учёбы в институте я не догадалась, несмотря на тяжесть моего основного диагноза, что я буду не в состоянии проводить на работе восемь часов в день. Ни один из врачей, с которыми я с раннего детства постоянно имела дело, моим маме и папе почему-то не объяснил, что я нетрудоспособна. Когда после начала занятий в институте выяснилось, что у меня не хватает физических сил, чтобы присутствовать на лекциях полный день, я моментально оформила себе свободное расписание по состоянию здоровья и сумела успешно закончить институт.

После начала работы в библиотеке я пошла в районную поликлинику к участковому врачу, знавшему меня много лет. Я спросила с трепетом: «Что делать? Я не выдерживаю восемь часов в день на работе!» — и мне тут же оформили документы для получения третьей группы инвалидности, дававшей разрешение рабо-

тать четыре часа в день и, в моём случае, получать 50 рублей зарплаты и 22 рубля 60 копеек пенсии по инвалидности в 1980 году. А в 1981 году мою пенсию повысили аж до 26 рублей, и эта сумма продержалась до конца 1980-х годов.

В конце 1970-х годов в открытой печати в СССР появились первые статистические публикации о доходах советских людей. Правительство заявило официально: прожиточный минимум в стране — 70 рублей в месяц. Меня возмутила эта наглая ложь: на 70 рублей в месяц человек мог лишь жить впроголодь.

После получения моих первых зарплат (плюс зарплата моего мужа 125 рублей в месяц в 1980 году) и неловких попыток вести на эти деньги домашнее хозяйство я поняла, что до более-менее приемлемого уровня жизни нужно добавить ещё хотя бы рублей 100. Мною овладела смесь бешенства и отчаяния. В утешение себе я повторяла, как заклинание: «Когда-нибудь я напишу обо всём этом книгу и назову её «Инвалид двух групп».

Глава 3
«…Переврётся — не простится…»

…Впопыхах ломая стержень,
Пишем, пишем всё, что помним,
Ничего в уме не держим…
В. Ланцберг, «По Астраханской»

В 2010 году моя дочь попросила меня записать всё, что я помню о семейной истории. Мне хочется рассказать о моих родных. Цель — описать быт, представления о жизни, мысли и надежды, радости и страдания, а также традиции рядовой еврейской семьи в СССР.

Мои родственники — люди заурядные, всегда мыслившие и действовавшие в рамках повседневной жизни и боровшиеся за эту повседневную жизнь, уж как умели. Они считали необходимым быть «как все» и хотели быть «как все». Такие люди обычно не пишут подробные письма, не ведут дневники, не оставляют мемуары.

Но в это же время в моей памяти вспыхивают потрясающие рассказы тех очень незаурядных людей, встречи с которыми послала мне судьба. «Это же несправедливо! — восклицают мои друзья и знакомые. — А вдруг о нас больше никто не вспомнит и не напишет?»

Я расскажу то, что сумела запомнить, так как не записывала всё интересное, надеясь на свою некогда действительно хорошую память. Я изложу истории такими, какими я услышала их когда-то, а те мысли и комментарии, которые приходят мне в голову сейчас, буду помечать «2012. Т.Л.» или «2013. Т.Л.» и так далее.

Я пишу о том, что видела своими глазами, а также включаю свидетельства других людей, если я считаю их рассказы достоверными, всегда указывая, от кого и когда я данную историю услышала. О некоторых слухах и сплетнях, ходивших «в народе», я так и напишу: «согласно слухам».

Когда я начинала писать, мне представлялись последовательное повествование, история одной не очень большой семьи, размеренный голос автора, тишь, гладь, божья благодать… Резуль-

тат нескольких лет работы: разветвлённые родословные деревья огромных кланов Тевелевых, Гесселей, Эфросов. Разбитые сердца, разрушенные судьбы, ревность, зависть, злоба, ненависть и — в противовес им — самоотверженность, любовь и бескорыстие. Несмотря на все старания, вместо гладкой цепочки событий у меня получился взбаламученный набор историй, прерываемых многочисленными отступлениями. Сначала я собиралась говорить об известной мне с детства группе из тридцати человек, являвшихся ближайшими родственниками моих матери и отца. Сейчас я располагаю данными о примерно трёхстах членах семей Гесселей, Тевелевых и Эфросов.

Я до сих пор не встречала воспоминаний инвалидов о жизни в СССР. Единственное исключение — выдающаяся книга Р. Гальего Гонзалеса «Белое на чёрном». А я ведь не простой инвалид, у меня имелся дополнительный диагноз, сильно мешавший нормально жить, — еврейка. Мне кажется, что рассказ о взаимоотношениях еврея-инвалида с другими людьми и о его положении в советском обществе представляет некоторый интерес.

В студенческие годы я прочла слова некоего историка о том, как счастлив он был бы, сумев найти расходную книжку домохозяйки времён Французской революции. У меня не было расходной книжки, но я помню многие детали советской и постсоветской жизни, я помню даже цены, ассортимент товаров доступных и мечты о предметах недосягаемых, и, конечно, велик соблазн рассказать с этой точки зрения о жизни в России до 1994 года.

Я не хочу сплетничать и злорадствовать, я хочу лишь описать нравы членов моего семейства, их соседей и друзей, мотивы поведения, «шекспировские страсти», иногда переходившие в трагикомические коллизии.

Мои мать и отец очень любили такую своеобразную часть повседневной жизни в СССР, как советский анекдот. Я унаследовала эту любовь. Я включила в книгу анекдоты такими, какими я их услышала и запомнила в 1960–1990-х годах.

Мне придётся говорить о себе, я буду рассказывать то, что необходимо для понимания истории семьи. Хотя что может быть приятнее, чем писать о себе, притворяясь, что рассказываешь о других!

Глава 4
Город

…Турбину стал сниться Город.
М. Булгаков, «Белая гвардия»

Меня мучают сны. За первые годы жизни в Америке мне перенснились все кому не лень: родственники, друзья, сослуживцы, одноклассники, соседи, мой погибший на войне дед Иосиф Гессель. В видениях перед моими глазами извиваются улицы и кружатся дома, станции метро и вокзалы Ленинграда, по которым я бесконечно-мучительно брожу, но никого и ничего не могу найти.

В действительности в самом Городе я жила очень недолго. Несколько зим в раннем детстве на Невском проспекте; из этих лет пришли в мои кошмары квадрига на Пушкинском театре, мчащаяся вниз, прямо на меня, и ужаснувшие меня сочетанием мертвенной неподвижности и странной, потусторонней жизни страшные и прекрасные статуи некрополя Александро-Невской лавры.

Когда мне исполнилось семь лет в 1965 году, я начала ходить в школу и поэтому стала постоянно жить с родителями и бабушкой в пригородном Ольгине. Самого Города я практически не видела. Знакомиться с Городом я начала после поступления в институт. Четыре года я почти каждый день уезжала в Город рано утром и после лекций проводила несколько часов в Городе, а из-за спектаклей и концертов нередко приезжала с предпоследней электричкой (отправление с Финляндского вокзала в 0 часов 38 минут, после полуночи) или даже с последней (отправление в 1 час 10 минут), сводя с ума моих бедных родителей, так как телефонизация до нашего дома ещё не добралась.

После замужества я три года прожила в старой части Васильевского острова, и это единственное время, когда я жила в Городе «по-настоящему» (1980–1983 годы). Потом мы с мужем переехали в район новостроек Озерки, и я снова стала ездить в Город

каждый день. Я работала на углу Невского проспекта и Фонтанки, и мне бесконечно снятся мои ежедневные маршруты. В снах перед моими глазами кружатся букинистические магазины, «Книжная лавка писателей», «Дом книги». Я вижу горы книг, но я не могу найти те издания, которые мне нужны. В моих видениях появляются «Лавка художников» и другие ювелирные магазины, заваленные горами камней-самоцветов и прекрасными украшениями, каких не появлялось в этих магазинах с дореволюционных времён. Но главное место, куда приводят все дороги и где заканчиваются все сны, — дом моих родителей в Ольгине.

Мои родные переселились из Западной Двины в Город в 1920–1940-х годах.

Все мои родичи ценили возможность жить в Городе. Разумеется, они не хотели бы вернуться в Западную Двину. Но Город в их жизни был лишь местом, где удобнее, выгоднее жить, где можно достать столь необходимые, но вечно дефицитные в СССР продукты и предметы обихода, недоступные вдали от двух столиц. Как мне кажется, привязанности к Городу члены моей семьи не испытывали. Они понимали, что Город красив, но любви я не наблюдала. Ни история, ни искусство не вызывали у почти всех моих родичей ни малейшего интереса.

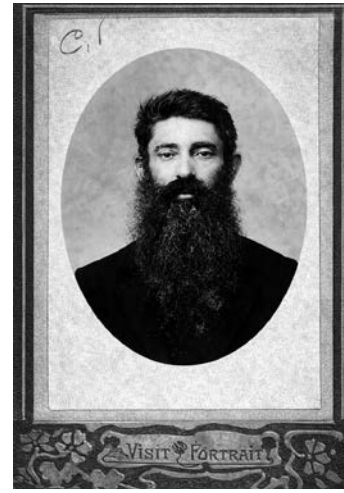
Впрочем, нет, была одна историческая тема, вызывавшая большой интерес, тема главная и постоянно обсуждаемая, — война. И имелись две равновеликие темы, примыкавшие к основной, перетекавшие из одной в другую: Сталин и евреи. Точнее, три темы склеились в бесконечную ленту Мёбиуса: война, Сталин, евреи; и снова: евреи, война, Сталин; и снова: Сталин, евреи, война. Не просто война, а ВОЙНА. Мне не описать ту особую трагически-торжественную интонацию — как в голосе Ю. Левитана, как в возгласе: «О, фортуна!» в «Кармина бурана» К. Орфа, — с которой даже в самом пустяковом разговоре произносилось это роковое слово: «ВОЙНА».

Глава 5
Погорельцы

И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку…
Д. Самойлов, «Сороковые»

В семье моих родителей не было *ничего* из довоенных вещей. Деды и бабки оставили всё в Западной Двине, уходя от немцев с последним эшелоном, как утверждала моя мать.

Так сложилось, что от большой и дружной семьи Тевелевых (линия моей матери) в семейных рассказах осталось очень немного, а об отцовской линии Гессель отец рассказал лишь один эпизод. И мать, и отец почти ничего не сохранили в памяти даже о своих родителях, не говоря уж о дедушках-бабушках. Или мои родители не считали это нужным и важным — рассказать и передать. Очень тяжёлый быт сжирал все силы. Возможно, что подсознательно они не хотели вспоминать, потому что не хотели анализировать. Мать часто произносила: «Ну, если всё додумывать до конца…» На этом фраза обрывалась, и рука матери делала пренебрежительный, отталкивающий жест. И мои родители, и остальная родня оказались духовными погорельцами, утратившими почти всё, нажитое предшествующими поколениями: и знания, и опыт, и память о предках.

Мой прадед Самуил Тевелев. Фотография сделана в Торопце до революции. Фотографию любезно предоставила Н. И. Ладыженская

Начну с семьи моей матери.

Мне известно только имя моей прабабушки: Женя Тевелева. Годы жизни: 1878–1960.

[9 августа 2013. Мой дядя Миша Ладыженский говорит: «Её ТОЧНО звали Дэше-Геня!» Он помнит имя на слух,

«г» произносится как гортанный фрикатив, свойственный украинскому [ґ]. — Т.Л.]

Моя мать рассказывала о прабабушке Жене: осиротев, она вышла замуж за Самуила, человека значительно, лет на двадцать, старше, который «был солдатом».

Эту фотографию (стр. 19) я никогда не видела.

Мама говорила, что у моих прабабки Жени и прадеда Самуила Тевелевых родилось восемь детей.

- Старшая, моя бабушка Вера Семёновна (по паспорту Двейра Самуиловна), в замужестве Эфрос (2 января 1899 — 4 января 1973).
- Дядя Абрам (1900 — осень 1973).

[31 января 2021. Сайт «Память народа» утверждает, что Абрам родился в Велиже. По-видимому, место рождения моей бабушки Веры — тоже Велиж.

Вообще-то между рождениями детей в семье Тевелевых — непонятный провал. Два ребёнка (1899 и 1900), потом одиннадцать лет перерыва, и затем четыре ребёнка подряд (1911, 1912, 1914). Неужели прадед Самуил Тевелев «был солдатом» в 1901–1910 годах? — Т.Л.]

Вера Эфрос и Лиза Ладыженская. Две сестры: самая старшая Вера Эфрос и самая младшая Лиза Ладыженская. Ольгино. Середина 1950-х годов. Фотографировал А. И. Гессель. Фотография из альбома А.И. и Д. А. Гессель

- Двойняшки тётя Маня (1911–2 июля 1973) и тётя Рая, в замужестве Романова (1911 — ноябрь 1999).
- Тётя Лиза, в замужестве Ладыженская (1912–15 декабря 1965).
- Ребёнок, умерший во младенчестве.
- Сын, который болел диабетом и умер из-за болезни и голода в самом начале блокады Ленинграда.

Найденные в интернете списки погибших во время блокады Ленинграда дают много-

обещающее имя для моего поиска: Тевелев Ефим Самуилович, 1914, Набережная ул., д. 13, кв. 3.

[15 декабря 2013. Двоюродный брат моей матери Миша Ладыженский подтверждает: «Имя Ефим упоминалось». — Т.Л.]

Только сейчас я сосчитала детей моего прадеда Самуила Тевелева, имена которых помнила с детства, получилось только семь. Где восьмой?

Чем жили, чем зарабатывали на хлеб моя прабабушка Женя и мой прадед Самуил — об этом в семье никогда не сказали ни полслова. Жили до начала 20-х годов в Торопце (мама говорила: «Ну, это торопецкий период!» — и пренебрежительно махала рукой), затем в Западной Двине.

Образования у детей моих прадеда Самуила и прабабки Жени, по-видимому, не было почти никакого. Моя мать говорила о своей тётке Лизе Ладыженской: «Лиза — умная, она техникум закончила!»

Как я понимаю, для моей матери и её родни работа — это что-то неважное, не главное. Главное то, что появляются деньги на жизнь, а то, что для этого надо где-то отбывать восемь часов в день, ну так и ладно. Понятие профессии и тем более профессионализма практически отсутствовало.

Отношение моего отца было сложнее. Он совершенно справедливо считал профессионалом себя, очень хорошего автослесаря, признавал тяжкий труд своего брата Миши Гесселя, сварщика. А вот по поводу всех остальных… Тут на лице отца появлялась презрительная усмешка: «Что они делают? Инженер? Перекладывает бумажки! Учительница? Болтает языком!» Отец произносил эти излишне обобщённые суждения совершенно искренне, он действительно так думал!

Только в начале 2000-х годов, уже во Флориде, я догадалась спросить мою тётку Мусю Эфрос, как моя бабушка Вера Эфрос зарабатывала на жизнь, и получила ответ: «Мы мороженое делали». И лишь сейчас до меня дошло, что речь шла скорее всего о НЭПе.

[2019. В списках Яд Вашем против имени Веры Эфрос появилось слово «буфетчица». — Т.Л.]

Миша Ладыженский говорил, что после войны бабушка Вера Эфрос работала продавщицей в маленьком магазине возле Апраксина двора.

Итак, в семье моего прадеда Самуила Тевелева несколько маленьких детей, источники доходов неизвестны, Торопец, гражданская война, о которой тоже ничего не рассказывается. И как много раз повторяла моя мама, «вдруг приезжает дальний родственник Тевелевых Абрам Эфрос и сватается» к старшей дочери Самуила Тевелева, моей будущей бабушке Вере. Полагаю, что сватовство произошло в конце 1918-го или начале 1919 года.

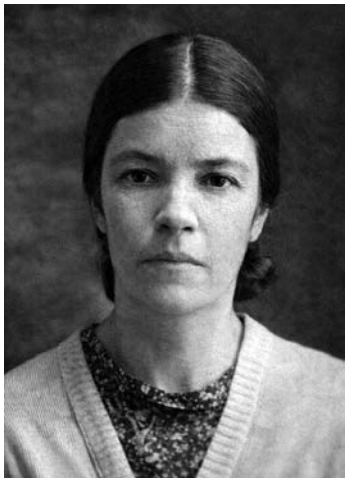
Глава 6
Бабушка Вера и дед Абрам Эфрос. Муся и Дора

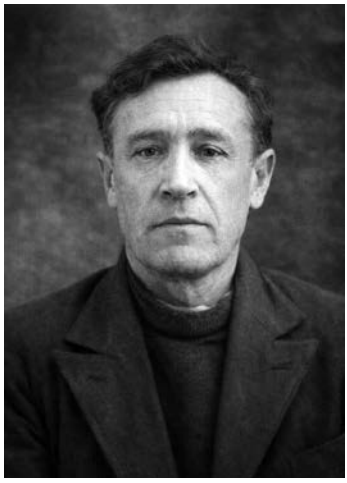
Мой дед Абрам Меерович (Маркович) Эфрос.
1926, Западная Двина. Фотография из альбома М. А. Эфрос

Какой он тут красавец, дед Абрам! Как тщательно уложены волосы! И костюм-тройка! И галстук! И белый манжет выглядывает из рукава! Только сильно поношенные ботинки портят картину…

Это — самая ранняя фотография бабушки Веры:

Вера Семёновна
(Двейра Самуиловна)
Тевелева-Эфрос.
Западная Двина.
Фотография из альбома М. А. Эфрос

Абрам Маркович
(Меерович)
Эфрос. Западная Двина.
15 мая 1941 года.
Фотография из альбома М. А. Эфрос

Обе фотографии — Абрама и Веры Эфрос — надписаны в 1941 году, полагаю, что рукой Веры Эфрос.

А вот более поздняя фотография бабушки Веры:

Вера Семёновна (Двейра Самуиловна) Эфрос.
Около 1945-го, после войны. Ленинград. Фотография из альбома М. А. Эфрос

Моя мама Дора Гессель рассказывала: в 1918 году моей бабушке Двейре Самуиловне Тевелевой — 19 лет, дед Абрам Эфрос, кажется, несколько старше. (2015. Нет, он на год моложе бабушки Веры: согласно записи в архиве Яд Вашем, Абрам Эфрос родился в 1900 году. — Т.Л.) У Абрама Эфроса плохая репутация: он беден, он пьёт, он, по-видимому, вор. Он приехал в Торопец и посватался к Двейре (Вере) Тевелевой. Семья Тевелевых очень бедна, а Абрам Эфрос, по словам моей матери, «в качестве приданого привёз невиданной красоты вышитое постельное бельё».

Вера Тевелева вышла замуж за Абрама Эфроса. 27 марта 1920 года у Веры родилась двойня. Одна девочка мёртвая, вторая девочка выжила, это старшая сестра моей матери Мира (Муся).

Семья прадеда Самуила Тевелева со всеми детьми, включая семью моих деда Абрама Эфроса и бабушки Веры, после 1920 года переехала из Торопца в Западную Двину, где в 1924 году родилась моя мать Дора. В предсмертном бреду в 2006 году Муся Эфрос несколько раз повторила фразу: «Корми Дорку, корми Дорку!» — из чего следует, что значительная часть заботы о младшей сестре лежала на Мусе. И так продолжалось всю жизнь: Муся всегда много времени отдавала своей сестре Доре, потом мне, потом фактически вырастила мою дочь.

Муся Эфрос говорила, что «лет до трёх страшно любила» своего отца Абрама Эфроса, а потом столь же «страшно его ненавидела», а в пятнадцать лет «из-за него» уехала к тёте Мане Тевелевой на Свирьстрой. Муся рассказывала: «У нас всё было такое белое, чистое, а он придёт пьяный и уляжется в сапогах на кровать!» Всю жизнь она не могла спокойно говорить о своём отце. Моя мать много раз повторяла, что Муся характером пошла в отца. «Абрумиче, Абрумиче!» — ворчала мама, рассказывая о неприятных выходках Муси. Абрумиче — так деда называли в семье.

Перед войной бабушка Вера разошлась с дедом Абрамом Эфросом. С началом войны она отправилась в эвакуацию вместе со своими родителями и дочерью Дорой, а также с трёхлетним сыном Лизы Ладыженской Мишей.

Моя мать рассказывала: когда в эвакуации в Удмуртии умер прадед Самуил Тевелев, об этом узнал дед Абрам Эфрос. Он приехал в деревню в Удмуртии и сказал бабушке Вере, что «она же обещала к нему вернуться, когда старики умрут» (прабабушка Женя Тевелева в это время ещё жива и здорова).

[Июль 2020. Стоп, всё не совсем так. Прадед Самуил Тевелев умер 10 июля 1945 года и похоронен на кладбище в Ленинграде. Следовательно, дед Абрам Эфрос приезжал в Ленинград, чтобы уговорить бабушку Веру вернуться к нему. — Т.Л.]

Бабушка Вера возвращаться к деду Абраму отказалась, после этого он уехал и окончательно исчез из жизни семьи. В конце 40-х — начале 50-х годов дед Абрам умер в Западной Двине при невыясненных обстоятельствах, тело нашли на чердаке какого-то дома. Бабушке Вере в Ленинграде сообщили о смерти Абрама родственники, жившие в Западной Двине.

[2013. Кстати, никогда не говорилось ни о каких родственниках со стороны Абрама Эфроса, что мне сейчас кажется довольно странным. О родне со стороны прабабушки Жени Тевелевой в разговорах моей матери также не упоминалось. Да, конечно, прабабушка — сирота, но должна же быть какая-то семья?

Вообще-то у моего прадеда Самуила Тевелева и прабабушки Жени много детей, но дальней родни я не встречала, и если в 60-х годах в разговорах моей матери ещё упоминались Таня Волкович и её семья, в которой «все музыканты», Галька из Мельничного Ручья и родственники во Всеволожске, к которым надо бы съездить (но этого так и не случилось), и Столовы из Западной Двины (см. главу «Путешествие дилетантов»), то позднее все контакты были утрачены. — Т.Л.]

[2016. Архивы Яд Вашем сообщают мне отчество прабабушки Жени: Абрамовна, — но не сообщают девичью фамилию. — Т.Л.]

[2020. Светлана, моя четвероюродная сестра по линии Эфрос, о существовании которых — и сестры, и всего огромного клана Эфросов из Велижа — я до 2019 года и не подозревала, высказала новую гипотезу о происхождении моей прабабушки Жени Тевелевой и, поразмыслив, я вынуждена с этой гипотезой согласиться.

Итак, Светлана точно знает: бабушка Светланы Раиса Семёновна Эфрос-Познякова — двоюродная сестра моей бабушки Двейры Самуиловны Тевелевой-Эфрос. Это возможно только в одном случае: если моя прабабушка Евгения Абрамовна, в замужестве Тевелева, — родная сестра прадедушки Светланы Симона Абрамовича Эфроса. Отчество подходит, к тому же мой прапрадед Абрам Меерович Эфрос (1834–1896) умер, когда его дочери Евгении исполнилось восемнадцать лет, и в момент замужества Евгении в 1897-м или 1898-м все, конечно, называли её сиротой.

Но в таком случае получается, что дочь Евгении Тевелевой Двейра Тевелева и сын родного брата Евгении Меера (Марка) Эфроса Абрам Меерович Эфрос, то есть мои дед Абрам и бабушка Вера, — двоюродные брат и сестра!!!

Хочется очень ядовитым голосом сказать: вот тебе и «дальний родственник Тевелевых Абрам Эфрос!» Моя мать Дора Эфрос, жившая в Западной Двине, как и семья её двоюродного деда Симона Эфроса, и хорошо знавшая членов этой многочисленной ветки Эфросов, не могла не иметь информации о реальной степени родства своих матери и отца. Ох, не из-за этого ли факта мама упорно отвечала на все мои расспросы о семейной истории: «Не помню. Не знаю. Никакой родни нет!»? — Т.Л.]

Моя мать много раз говорила, что хотела назвать меня Симой, но «все были против», и она «решила назвать меня Таней в честь Тани Волкович». Иногда и мама, и отец называли меня Тойбой.

[2020. Симой звали троюродную сестру моей матери, тоже жившую до войны в Западной Двине. Все «новоприобретённые» родственники по линии Эфрос смотрят на фотографии моей матери, которые я им переслала, и говорят: «Ой, это же Сима!» — «Нет, — отвечаю я, — это троюродная сестра Симы Дора Эфрос, моя мать». — Т.Л.]

При всей своей внешней тихости бабушка Вера Эфрос — центр семьи, глава рода. Её брат и сёстры по выходным собирались в Ольгине чуть ли не каждую неделю, это — почти обязательный ритуал. Я подсчитала, что в годы, когда все ещё были живы, и семья, можно сказать, процветала (начало 1960-х), за праздничным столом собиралось до двадцати пяти человек! Нередко гости оставались ночевать. Помню, как я сплю на стульях. На веранде стояли две тахты и кровать, помню, как кто-то спит «валетом», то есть на одной тахте спят два человека головами в разные стороны. Но в 1965 году умерла тётя Лиза Ладыженская, а в 1967-м — жена дяди Абрама Тевелева Ася. В 1973 году умерли бабушка Вера Эфрос, дядя Абрам и тётя Маня Тевелевы. Моя мать пыталась как-то продолжать традиции, но всё стало уже не то.

Вернёмся в 1930-е годы.

Итак, с 1935 года Муся Эфрос жила на Свирьстрое со своей тётей Маней Тевелевой, а потом, перед войной, Муся уехала в Ленинград к тёте Мане, незадолго до этого перебравшейся в Город.

Глава 7
«Конечно, вы не раз видали уездной барышни альбом…»*

Несколько фотографий из альбома Муси Эфрос.
Самая ранняя фотография Муси Эфрос:

Мира Эфрос, около 1935. Думаю, что ей здесь лет пятнадцать.
Возможно, фотография сделана ещё в Западной Двине около 1935 года.
Фотография из альбома М. А. Эфрос

[2019. Троюродная сестра «моих» Тевелевых З. И. Познякова, которую я чудом нашла в 2019 году, вспоминала: «Мария Тевелева была очень хороша собой». — Т.Л.]

---

* А. Пушкин, «Евгений Онегин».

Мария Самуиловна (Семёновна) Тевелева,
конец 1930-х годов.
Фотография из альбома М. А. Эфрос

Мария Самуиловна Тевелева, около 1950 года.
Тётя Маня у себя на работе.
Фотография из альбома М. А. Эфрос

Муся Эфрос, по её словам, закончила только семь или восемь классов школы и никогда больше ничему не училась. [2020. Нет, неправда. На обороте одной из фотографий написано: «Свирьстрой. На II курсе рабфака». — Т.Л.]

М. С. Тевелева.
1957 год. Ленинград.
Тёте Мане — 46 лет,
«бабье лето»...
Фотография из альбома М. А. Эфрос

Мира Абрамовна Эфрос (слева)
и её тётя Раиса Самуиловна
Романова. Мусе — 20,
тёте Рае — 29 лет. Ленинград, 1940.
Фотография из альбома М. А. Эфрос

Муся с некоторой бравадой говорила о себе: «У меня образования — три класса, пятый — коридор!» — и владела тремя книгами: «Манон Леско» аббата Прево, «Индиана» Ж. Санд и «Короли и капуста» А. Доде. Но каждый день, хоть в Питере, хоть в Америке, газета прочитывалась от корки до корки. Полагаю, что этому её научили на рабфаке.

Мира Эфрос в центре с газетой в руках. Ленинград, общежитие в Автово, 1941.
Фотография из альбома М. А. Эфрос

Мира Эфрос, 1939. Ленинград. Фотография из альбома М. А. Эфрос

Муся читала газеты. Но в голове задерживалось очень немногое. За те пятнадцать лет, что Муся прожила вместе с нами, она ни разу не заинтересовалась ни единой книгой из моей довольно большой библиотеки. Наряды (кстати, выбранные с большим вкусом), гости, застолья, а в молодости отпуска на юге, кино и театр с несколькими близкими подругами, в более поздние годы телевизор — вот это она любила, вот это её интересовало. Увы, подруги сплетничали, что как только в кинозале гаснет свет, Мусенька засыпает! Подруги хохотали, и Муся хохотала вместе с ними.

Мама утверждала: в молодости Муся была так красива, что люди на улице оборачивались. Эта красота, судя по рассказам Муси, чуть не погубила её во время «большого террора» в 1937–1938 годах и спасла во время блокады.

Муся пережила, насколько мне известно, четыре серьёзных романа. Только во Флориде она показала мне фотографию красноармейца со словами: «А вот это мой *настоящий* жених. Погиб на войне». Я спросила: «А как его звали?» — «Не помню!» И больше мне не удалось выдавить из неё ни слова. Второй роман произошёл во время блокады. Потом, после войны, когда она работала в строительном тресте, возникли отношения с каким-то довольно высокопоставленным чиновником из горсовета Ленинграда и длились несколько лет, а потом возник ещё более длительный роман

Мира Эфрос. Начало 1950-х годов. Фотография из альбома М. А. Эфрос

с приятелем этого чиновника. Моя мать раздражённо говорила: «Вот прицепилась к этому своему, и всё!»

В результате всех любовных перипетий Муся осталась одна. Родить ребёнка она не решилась. Уже во Флориде Муся призналась, что сделала в своей жизни три аборта. Первый аборт — во время блокады, а третий — в 1957 году, то есть две операции были произведены в период, когда аборты были в СССР запрещены и карались по уголовной статье (1936–1955 годы).

Насколько я понимаю, никто в семье, кроме Муси, в результате войны не приобрёл тяжёлых привычек. Муся терпеть не могла есть вместе с другими людьми. Она съедала праздничное угощение где-нибудь в углу, повернувшись ко всем спиной, чтобы «никто не подглядывал!» что и как она ест, и потом удирала на кухню мыть посуду.

Муся с удовольствием работала в своём тресте, она была весёлая, заводная. Практически каждые выходные на день, а то и с ночёвкой на два дня она приезжала в Ольгино. Стирала и гладила бельё, готовила еду и мыла посуду, шила и штопала, много возилась со мной.

Уйдя на пенсию в 1975 году и получив максимально высокую выплату в 132 рубля в месяц, Муся устроилась работать кассиршей в промтоварный магазин, что, кроме зарплаты (около 100 рублей), давало ей возможность «доставать» те вещи, которые постепенно попадали в разряд дефицитных (а список дефицитных товаров неостановимо рос), и она щедро снабжала родню бельём, лёгким платьем, шерстяными изделиями, импортными шампунем, мылом и дезодорантами…

Когда родилась моя дочь, Муся уволилась из магазина и год приезжала к нам почти каждый день с другого конца Города. Потом она сказала, что устала, и мы обменяли наше и её жильё на большую квартиру, чтобы жить вместе.

То, что Муся жила вместе с нами в одной квартире, дало мне возможность включить её как члена семьи в анкету для выезда в Америку, и она уехала из России и прошла через все переезды внутри США и всё, что нам выпало. Конечно, ей было очень тяжело. В 2000 году Наташа Ладыженская, которую Муся очень любила, собралась приехать на месяц к нам в Орландо. В телефонном разговоре с Наташей, обсудив детали поездки, Муся сказала с какой-то необычной интонацией: «Я так жду! Так жду!»

Муся ко многому в Америке приспособилась, но две вещи она никак не могла принять: что бельё надо стирать не руками в тазу или в ванне, сгибаясь или даже стоя на коленях, а следует цивилизованно «прокручивать» в стиральной машине, а сушить не на балконе или в коридоре на верёвках, а в сушильной машине, и что между пальмами на заднем дворе в Техасе нельзя «протянуть верёвочку и развесить на ней бельё».

Во время разговора со мной уже во Флориде Муся признала: «Да если бы я не растила Соньку, я бы уже давно умерла!» И Соня для Муси стала весь свет в окошке, и последние слова перед своей операцией Муся сказала о Соне: «Сонечку целуй, целуй, целуй!»

О последних годах жизни Муси Эфрос я расскажу в главе о медицине.

Муся Эфрос умерла 28 января 2006 года в Орландо, штат Флорида.

Мои родители утверждали, что, кроме нескольких родственников, родни у них нет, а «на войне погибло всего три человека». В 2013-м году я начала искать данные в интернете, звонить однофамильцам, заказала поиск в архивах.

Вот результаты моего исследования: число наших близких и дальних родственников, убитых фашистами во время оккупации, составляет 99 человек, 16 человек погибли во время блокады Ленинграда, 25 человек погибли на фронте.

О судьбе многих из этих людей мои родители знали, не имели возможности не знать. В первой части книги рассказывается о дореволюционной и военной истории семейства. В мои руки попали уникальные архивные документы, например, дело о несостоявшемся еврейском погроме в Торопце в 1904-м году.

ISBN 978-1-970342-46-8
90000 >
9 781970 342468

M-GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com